

DOI: 10.25178/nit.2022.3.8

НОМАДЫ АЗИАТСКОГО МАТЕРИКА

Статья

Тенгрианство в истории и культуре номадов Центральной Азии

Мерген С. Уланов

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, Российская Федерация

Статья посвящена проблеме роли тенгрианства в истории и культуре кочевников Центральной Азии. Зарождение тенгрианства обычно связывают с народом хунну, создавшим обширную кочевую державу в данном регионе. Дальнейшее развитие тенгрианства получило уже в эпоху великих тюркских каганатов, которые включали в себя предков нынешних тюркских и монгольских народов. С появлением новых кочевых империй связано окончательное формирование тенгрианства как религии имперского типа. О тесной связи тенгрианского культа Неба с властью и государством свидетельствуют древнетюркские рунические памятники.

В период создания Монгольской империи имперский культ Неба и тенгрианская идеология вновь оказались востребованы, так как они обосновывали легитимность новой власти «волей Неба» и объединяли разнородные племена и народы Великой Степи общим мировоззрением. Культ Неба при Чингисхане фактически превратился в официальную религию, которая при этом не отрицала другие конфессии. В последующий период тенгрианство как политизированная религиозная традиция постепенно приходит в упадок, уступая свои позиции буддизму махаяны, исламу, а также шаманизму.

Важным элементом тенгрианского учения был завет жить в согласии и гармонии с миром природы и ее законами. Тенгрианство, будучи переходной стадией от ранних религиозных форм к более развитым религиям, еще не выработало полноценную систему теологии и морали. В силу этого кочевник был ориентирован, прежде всего, на земную, а не на загробную жизнь. При помощи культурных кодов тенгрианство формировало и поддерживало специфические ментальные характеристики в кочевом обществе.

Автор отмечает связь тенгрианства с белым шаманством народов Сибири, указывая на то, что белые шаманы и тенгрианские жрецы выполняли, прежде всего, общественные ритуалы, поклонялись божествам Верхнего мира, носили одинаковую белую одежду и ездили на белых лошадях. С тенгрианством, вероятно, связан и культ Белого Старца, популярный среди монгольских народов и тувинцев.

Взаимодействия тенгрианства с буддизмом и шаманизмом рассматривается в рамках учения об аполлоническом и дионисийском началах, разработанного Ф. Ницше. В этой связи тенгрианство, также как и буддизм, можно определить как религию аполлонического типа, в то время как шаманизм — как религиозное дионисийство.

Ключевые слова: тенгрианство; шаманизм; буддизм; кочевники; монгольские народы; тюркские народы; монголы; аполлонизм; дионисийство

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00118, <https://rscf.ru/project/19-18-00118/>

Для цитирования:

Уланов М. С. Тенгрианство в истории и культуре номадов Центральной Азии // Новые исследования Тувы. 2022, № 3. С. 103-115. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.8>

Уланов Мерген Санджиевич — доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Елиста, ул. Пушкина, д. 11, каб. 111. Тел.: +7 (961) 541-11-38. Эл. адрес: ulanov1974@mail.ru

ULANOV, Mergen Sandzhievich, Doctor of Philosophy, Candidate of History, Associate Professor; Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: Office 111, 11 Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (961) 541-11-38. E-mail: ulanov1974@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6749-7424

Article

Tengrianism in the history and culture of the nomads of Central Asia

Mergen S. Ulanov

Gorodovikov Kalmyk State University, Russian Federation

The article deals with the issue of the role of Tengrianism in the history and culture of the nomads of Central Asia. The origin of Tengrianism is usually associated with the Hunnu (Xiongnu) people who created a large nomadic realm in this region. Tengrianism gained further development already in the age of the great Turkic khaganates where the ancestors of contemporary Turkic and Mongolian peoples lived. The final formation of Tengrianism as an imperial religion is associated with the emergence of new nomadic empires. Ancient Turkic runic monuments testify to the close connection of the Tengrian cult of Heaven with authority and the state.

During the formation of the Mongol Empire, the imperial cult of Heaven and the Tengrian ideology were again in demand, because they justified the legitimacy of the new government by the “will of Heaven” and united the diverse tribes and peoples of the Great Steppe with a common worldview. The cult of Heaven under Genghis Khan actually turned into an official religion which at the same time did not negate other confessions. Thereafter, Tengrianism as a politicized religious tradition gradually declined, giving way to Mahayana Buddhism, Islam, and shamanism.

An important element of the Tengrian teaching was the covenant to live in agreement and harmony with the natural world and its laws. Tengrianism, being a transitional stage from early religious forms to more advanced religions, had not yet developed a full-fledged system of theology and morality. Therefore, the nomads were focused primarily on the earthly life and not on the afterlife. With the help of cultural codes, Tengrianism was developing and maintaining specific mental characteristics in the nomadic society.

The author notes the connection between Tengrianism and the white shamanism of the peoples of Siberia, pointing out that white shamans and Tengri priests performed preeminently social rituals, worshipped gods of the Upper world, wore the same white clothes and rode white horses. The cult of the White Old Man — popular among the Mongolian peoples and Tuvans — is probably connected with Tengrianism.

The interaction of Tengrianism with Buddhism and shamanism is considered within the framework of the doctrine of the Apollonian and Dionysian principles that was developed by Friedrich Nietzsche. In this regard, Tengrianism, as well as Buddhism, can be defined as an Apollonian type of religion, while shamanism is a religious Dionysianism.

Keywords: Tengrianism; shamanism; Buddhism; nomads; Mongolian peoples; Turkic peoples; Mongols; Apollonianism; Dionysianism

---

The research was carried out with financial support from the Russian Science Foundation (grant No. 19-18-00118, <https://rscf.ru/project/19-18-00118/>).

For citation:

Ulanov M. S. Tengrianstvo v istorii i kul'ture nomadov Tsentral'noi Azii [Tengrianism in the history and culture of the nomads of Central Asia]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 3, pp. 103-115. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.8>

Введение

Обращение к тенгрианской тематике связано с процессом возрождения традиционной культуры и обновлением духовной жизни тюрко-монгольских народов России — калмыков, тувинцев, бурят и т. д., которые исторически вели кочевой и полукочевой образ жизни. Очевидно, что подробный анализ происхождения, становления и развития тенгрианства в Центральной Азии, будет способствовать более глубокому пониманию специфики этнической философии тюркских и монгольских народов России. Актуальность исследования обусловлена и тем, что в последние десятилетия среди народов Центральной Азии и Южной Сибири заметно усилился интерес к наследию тенгрианской культуры. С 2007 г. проводятся научные конференции «Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии:

истоки и современность». Основным организатором большинства конференций выступает Международный Фонд Исследования Тенгри. На сегодняшний день проведено уже восемь конференций. Последняя VIII конференция проводилась в поселке Домбай в Карачаево-Черкесской республике в сентябре 2021 г.¹

Цель данной статьи — анализ роли тенгрианства в истории и культуре кочевников Центральной Азии. Задачи настоящего исследования касаются изучения вопросов происхождения тенгрианства, становления и развития его в эпоху тюркских каганатов и Монгольской империи. Среди других вопросов, рассматриваемых в данной статье, можно выделить проблемы философии тенгрианства, связи тенгрианства с шаманской традицией, в частности, с белым шаманизмом и культом Белого Старца, вопрос о взаимодействии тенгрианства с буддизмом. Исследование данных вопросов имеет важное значение для осмысления культурного наследия современных тюрко-монгольских народов, так как тенгрианство, будучи в течение многих столетий основной духовной традицией кочевников Центральной Азии и Южной Сибири, сильно повлияло на их культуру и менталитет.

Теоретико-методологической основой данного исследования стал системный подход, который достаточно часто применяется в подобного рода религиоведческих работах. Использование системного подхода позволило рассмотреть тенгрианство как сложное и многогранное явление, имеющее связь с другими религиозными традициями Центральной Азии. В силу сложности и многогранности данной проблемы был также использован междисциплинарный подход. Кроме того, автор попытался рассмотреть тенгрианство в рамках учения об аполлоническом и дионисийском началах, разработанного Ф. Ницше.

Среди работ отечественных ученых, посвященных феномену тенгрианства, можно назвать труды Н. В. Абаева, Б. А. Бичеева, А. Г. Кукеева, Ю. И. Дробышева, И. С. Урбанаевой и др. (Абаев, 2015, 2016; Бичеев, 2021; Бичеев, Кукеев, 2011; Дробышев, 2012; Урбанаева, 2020). Из трудов зарубежных исследователей необходимо выделить работы Н. Г. Аюпова, С. Ш. Аязбековой, Т. С. Жумаганбетова, А. А. Кодар, А. Н. Сыдыкова, Х. Цоохуу, Х. Гюнгер и др. (Аюпов, 2012; Аязбекова, 2020; Жумаганбетов, 2006ab; Кодар, 2009ab; Сыдыков, 2014; Цоохуу, 2014; Güngör, 2013).

В то же время проблема роли тенгрианства в истории и культуре кочевников Центральной Азии нуждается в дальнейшей разработке, систематизации и философско-религиоведческом анализе имеющегося фактического и теоретического материала.

Источниковой базой данного исследования стали имеющиеся научные работы, касающиеся тенгрианской проблематики, а также тексты памятников древнетюркской письменности Центральной Азии, опубликованные в книге С. Е. Малова (Малов, 1959). При работе над вопросом о роли тенгрианства в период Монгольской империи было использован текст «Сокровенного сказания монголов» (Козин, 1941). При исследовании влияния тенгрианства на менталитет кочевых народов использовался труд П. Карпини о монголах², а также «Анналы Бёртонского монастыря»³.

Тенгрианство как древняя религия тюрко-монгольских народов

Зарождение тенгрианства обычно связывают с народом хунну, создавшим обширную кочевую державу в Центральной Азии в III в. до н. э. (Крадин, 2020). Именно с хунну исследователи связывают первую попытку систематизации разрозненных верований и обрядов в единый религиозный культ, связанный с почитанием Неба, которое хунну называли Тенгри. Собственно от слова «Тенгри» и произошло название данной религии. Известно, что хунну исповедовали культ Неба, считали себя «детьми Неба», а другие народы даже называли хунну «небесными гордецами».

В то же время культ божества Неба был распространен и у ираноязычных этносов, а также у жителей Тибета и Китая. Отдельные разрозненные сведения о почитании Неба можно обнаружить в китайских, иранских, арабских, тибетских, маньчжурских и древнетюркских источниках.

¹ Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность : сборник VIII Международной научно-практической конференции (22–23 сентября 2021 г., Домбай, Республика Карачаево-Черкесия, Россия). Домбай : Международный Фонд исследования Тенгри, 2021. 460 с.

² Плано Карпини Дживованни. История монгалов. Рубрук Гильом. Путешествие в Восточные страны / ред., вступ. статья, примеч. Н. П. Шастиной. М. : Гос. изд-во географ. лит., 1957. 270 с.

³ Анналы Бертонского монастыря // Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. : Тексты, пер., коммент. М. : Наука, 1979. С. 177–188.

Следует отметить, что в современной литературе есть два варианта написания данного понятия: «Тенгри» (тенгрианство) и «Тэнгри» (тэнгрианство). Подобная ситуация возникла из-за разницы в произношении данного понятия у разных народов (монголов, бурят, калмыков, тувинцев и т. д.). В нашей статье мы придерживаемся терминов «Тенгри» и «тенгрианство», поскольку оно представляет собой более устоявшуюся форму написания, наиболее часто используемую в академической среде. В частности, подобный вариант был взят для названия уже упоминавшейся научной конференции «Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность».

В тенгрианстве существовала идея Бога-творца, создавшего этот мир, что сближает его с монотеистическими религиями. Возможно, именно наличие идеи креационизма в тенгрианском учении способствовало успешной исламизации тюркских народов. «Голубое Небо» или «Вечное Небо» представляло как верховное божество, которое может даровать жизнь, удачу, победу или, наоборот, обречь на поражение. В представлениях кочевников именно Небо управляло миром и руководило делами людей и народов. Культ Неба-отца (монг. *Тенгри-эчиге*) был тесно связан с культом Земли-матери (монг. *Этуген-эке*).

Как и в Китае, каганы кочевых народов признавались сыновьями Неба и выступали в роли первосвященников. Таким образом, культ Неба был тесно связан с культом монарха, сакрализируя его власть.

Дальнейшее развитие тенгрианство получило уже в эпоху великих тюркских каганатов, население которых состояло из предков нынешних тюркских и монгольских народов (Гумилев, 2002; Кляшторный, Султанов, 2004). Именно с появлением новых кочевых империй связано окончательное формирование тенгрианства как религии имперского типа. Существует мнение, что религия тюрко-монгольских кочевников имела два уровня: простонародный и имперско-государственный. Первый религиозный уровень системы был связан с шаманизмом, который представлял собой одну из наиболее древних форм верований. Второй, имперско-государственный уровень был связан с возникновением кочевых каганатов и началом формирования монотеизма (Кодар, 2009а: 216).

О тесной связи тенгрианского культа Неба с властью и государством свидетельствуют нам древнетюркские рунические памятники, в которых часто можно обнаружить ссылки на «волю Неба»: «По милости Неба ... я сел (на царство) каганом» (Малов, 1959: 35); «Небо, руководя со своих (небесных) высот ... возвысило их (над народом)» (там же: 37); «Так как Небо даровало (им) силу...» (там же: 37); «По милости Неба он отнял...» (там же: 38); «(Вот) речь моя богоподобного, Небом поставленного (или угодного Небу), тюркского мудрого (Бильгя) кагана ...» (там же: 20).

Связь тенгрианства с государственно-имперской идеей средневековых тюркских каганатов достаточно подробно рассмотрена в статьях Т. С. Жумаганбетова (Жумаганбетов 2006ab). Согласно Жумаганбетову, тенгрианство было одной из наиболее ранних религиозно-политических идеологий на территории Евразии. Преимуществами тенгрианства были его толерантность, гибкость и пластичность, что позволяло ему не отвергать другие культы и верования, а гармонично встраивать их в свою религиозную систему. Все это шло на пользу центральной власти в каганатах, позволяя не разделять многочисленные племена, а, наоборот, объединять их в рамках единой имперской идеологии. Все это напоминает религию древних римлян в эпоху империи, когда различные культы народов, покоренных римлянами, также гармонично встраивались в древнеримский пантеон богов.

Тенгрианство в Монгольской империи

В период создания Монгольской империи имперский культ Неба и тенгрианская идеология вновь оказались востребованы, так как обосновывали легитимность новой власти «волей Неба» и объединяли разнородные племена и народы Великой Степи общим мировоззрением. Неслучайно в «Сокровенном сказании монголов» отмечается, что «предком Чингисхана был Борте-Чино, родившийся по изволению Вышнего Неба» (Козин, 1941: 79). Считалось, что правитель восходит на престол только по велению «Вечного Голубого Неба»: «Небо с Землей сговорились, нарекли Темучжина царем царства. Пусть, говорит, возьмет в управление царство» (там же: 107), отмечается в «Сокровенном сказании». Поэтому истинный каган правил, не только исходя из собственных соображений, но и выполняя волю Неба. При этом Небо могло не только покровительствовать правителям и народам, но и наказывать их.

В то же время тенгрианский культ Неба у монголов в тот период не носил характер строгого монотеизма. Наравне с Небом часто упоминается и женское божество земли Этуген-эке, что, ве-

роятно, объясняется сохранением у монголов пережитков матриархата. Так, в благодарственной речи Темучжина Тоорил-хану и Чжамухе говорится: «Небо с землею нам мощь умножали, Тенгриий могучий призвал, а Земля — Мать-Этуген — на груди пронесла» (Козин, 1941: 104–105). Интересно, что, по мнению Т. Д. Скрынниковой, среди древнейшего автохтонного населения Центральной Азии первоначально господствовал только культ женского божества земли (Скрынникова, 2002: 114). По мнению Н. Л. Жуковской, образ матери-земли вначале представлял собой только наивно материалистическую идею и только позже обрел атрибуты женского божества (Буряты, 2004: 265). В мифологических представлениях монгольских народов Этуген предстает как всемогущее божество земли, связанное с плодородием. Древние мифы описывают Этуген-эке как всеильную богиню природы. Культ Этуген-эке занимал одно из центральных мест в шаманском пантеоне и сохранялся у западных бурят до начала XX века (Мифы народов мира ... , 1982: 674). При этом важнейшим атрибутом и признаком женского божества Этуген было плодородие, а местом обитания собственно земля как таковая (Михайлов, 1980: 225). Подобного рода религиозные представления о сакральной связи земли с божеством Этуген-эке способствовали формированию экологического сознания у монгольских народов. Так, например, в дореволюционный период у калмыков и бурят считалось плохим поступком копать землю острым предметом, рвать цветы и т. д.

Культ «Голубого Неба» (монг. *Кёк Тенгри*) при Чингисхане фактически превратился в официальную религию, которая при этом не отрицала другие конфессии, поэтому при дворе монгольских правителей можно было видеть представителей разных религий: буддизма, христианства, ислама, даосизма и т. д. Высшие должностные лица монгольского государства также могли свободно исповедовать любую конфессию, не опасаясь религиозного преследования (Лушников, 2014: 14).

После распада Монгольской империи тенгрианские церемонии, перешли с общегосударственного на родоплеменной уровень, что, вероятно, привело к постепенному вытеснению тенгрианства и ассимиляции его шаманизмом, который всегда был тесно связан с родоплеменными структурами.

Таким образом, тенгрианство как имперская религия играло важную роль в период Монгольской империи.

Философия тенгрианства и ментальность

Важным признаком тенгрианской культуры был ее синкретизм, недифференцированность ее культурных форм. В тенгрианской традиции такие формы культуры как миф, религия, право, мораль, философия и т. д. находились в неразрывном единстве. Неслучайно, некоторые исследователи отмечают, что тенгрианство «в привычном понимании не является религией, а религиозной идеей, которая никогда не стремилась к собственному институированию, что диктовалось особенностями тюркского мировоззрения» (Аюпов, 2012: 21).

Важным элементом тенгрианского учения был завет жить в согласии и гармонии с миром природы и ее законами. Человек здесь предстает как неотъемлемый элемент естества, который никак не должен противопоставлять себя природе (Цоохуу, 2014: 61–62). Все это, естественно, находится в противоречии с западной парадигмой о противоположности природы и культуры, которая утвердилась в западноевропейском сознании в Новое время. В тенгрианстве же, так же как и в шаманизме, природа обожествлялась и одухотворялась. Все природные явления (дождь, ветер, затмение и т. д.) и объекты (горы, леса, водоемы и т. д.) в тенгрианском мировосприятии были неразрывно связаны с миром местных божеств и духов, что, впрочем, не противоречило тенгрианскому монотеизму.

Интересно, что такие религиозные понятия, как грех, праведность, милосердие, святость и т. д. в тенгрианской системе практически отсутствовали. Тенгрианство, будучи переходной стадией от ранних религиозных форм к более развитым религиям, еще не выработало полноценную систему теологии и морали. В силу этого кочевник был ориентирован, прежде всего, на земную, а не на загробную жизнь. Он не боялся того, что будет с ним в следующей жизни, достаточно спокойно относился к смерти и сам мог легко лишить жизни другого человека. Кочевник опасался только непослушания воле Голубого Неба, которое, по его мнению, могло жестоко наказать за подобного рода проступок не только индивида, но и целые роды, и даже народы. Испытать вину перед Небом можно было только богатыми жертвоприношениями (Бичеев, Кукеев, 2011: 75–76).

В течение ряда веков тенгрианская традиция продолжала сохранять устойчивые позиции в кочевом обществе народов Центральной Азии и Южной Сибири. При помощи культурных кодов

(целостное восприятие небесного и земного бытия, ощущение единства с природой, культы богатырей и предков, уважение к женщине и т. д.) тенгрианство формировало и поддерживало специфические ментальные характеристики в кочевом обществе. В целом эти ментальные качества формировала сама жизнь кочевников того времени, которая опиралась на культурные константы традиционного средневекового общества. В соответствии с данными константами и требованиями тенгрианской традиции мужчину должны были отличать такие качества, как смелость, мужество, стойкость, чувство собственного достоинства.

При этом отношение к женщине в тенгрианской культуре было исключительно уважительным. Женщина же здесь представляла хранительницей домашнего очага и хозяйкой дома. В силу этого женщина занимала в социуме достаточно значимое и достойное место. Известно, что женщины в кочевом обществе тюркских и монгольских народов традиционно были активными акторами, игравшими важную роль в общественной жизни своего рода. Женщины не прятали свои лица, принимали активное участие в различного рода традиционных состязаниях и даже в ряде случаев участвовали в военных действиях. Плано Карпини, описывая нравы монголов, писал: «Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, как они носили колчаны и луки. И как мужчины, так и женщины могут ездить верхом долго и упорно»¹. Об этом же говорят нам и «Анналы Бертонского монастыря», где отмечается, что татаро-монгольские «женщины, наподобие мужчин, скачут верхом, сражаются и стреляют из луков» (Английские средневековые ... , 1979: 182).

Таким образом, тенгрианская мировоззренческая традиция, будучи специфическим типом культуры, связанным с кочевым образом жизни, оказало значительное влияние на ментальность тюрко-монгольских народов.

Наследие тенгрианства в культуре народов Сибири

Говоря о тенгрианских жертвоприношениях, необходимо отметить, что не сохранилось точных сведений о месте их проведения. Согласно Сэцэнменх, жертвоприношения могли проходить вблизи временных стоянок родоплеменных вождей и ханов. Жертвоприношения, вероятно, проходили на вершинах холмов или гор, имевших плоский характер. Отмечается, что жрецы тенгрианства носили белую одежду и обувь². В этом они походили на белых шаманов у ряда народов Сибири (якутов, бурят, алтайцев и др.). При этом лучше всего на сегодняшний день изучено белое шаманство у бурят.

По мнению одного из наиболее авторитетных исследователей белого шаманизма Д. С. Дугарова, «белое шаманство в генетическом плане не имеет ничего общего с черным шаманством тюрко-монгольских народов, хотя в процессе многовекового совместного функционирования они в достаточной степени взаимно повлияли друг на друга и во многом смешались» (Дугаров, 1991: 3). Таким образом, Дугаров фактически не считает белое шаманство собственно шаманизмом. В то же время он полагает допустимым использовать понятие «белое шаманство» в качестве технического термина, так как оно получил широкое распространение в научной литературе (там же: 3).

Известно, что белое шаманство не было связано по происхождению с собственно классическим сибирским шаманством и отличалось от него целым набором особенностей. Проблема генезиса белого шаманизма до настоящего времени не решена полностью и существуют разные версии его происхождения. Так, например, дореволюционный исследователь В. Ф. Трощанский считал, что главной функцией белого шаманства было выполнение общественных ритуалов (Трощанский, 1902: 123). Т. М. Михайлов связывал разделение шаманства на белое и черное с процессом расслоения бурятского общества на классы. При этом Михайлов отмечал, что белые шаманы должны были обслуживать зарождающуюся аристократию (Михайлов, 1980: 266–267). Дугаров, опираясь на достижения компаративной лингвистики, выдвинул оригинальную гипотезу об индоиранских и общеиндоевропейских истоках данной религиозной традиции (Дугаров, 1991).

¹ Плано Карпини Джованни. История монголов. Рубрук Гильом. Путешествие в Восточные страны / ред., вступ. статья, примеч. Н. П. Шастиной. М. : Гос. изд-во географ. лит., 1957. С. 36–37.

² Сэцэнменх. Тенгрианский ритуал монголов и древних ху (хунну) // Вера в Тенгри: избранное : сборник статей / отв. ред. Л. В. Федорова. Якутск : Дани-Алмас, 2018. 112 с. С. 123.

Выскажем предположение, что корни белого шаманства связаны именно с тенгрианством, поскольку и белые шаманы, и тенгрианские жрецы выполняли, прежде всего, общественные ритуалы, поклонялись божествам Верхнего мира, носили одинаковую белую одежду и ездили на белых лошадях. При этом и те, и другие, вероятно, вместо шаманского бубна использовали особый посох. Впрочем, тема генетической связи тенгрианства и белого шаманизма нуждается в дальнейшей разработке.

Тенгрианским наследием у народов можно назвать также и культ Белого Старца. Известно, что до наших дней в рамках тибето-монгольского буддизма сохранился культ Белого старца — старца в одежде белого цвета и с посохом в руках. Этот культ был распространен и в Туве. Так, в рукописном фонде Национального музея Республики Тыва им. Алдан-Маадыр находится одиннадцать рукописей, связанных с данным культом (Бичеев, Алтан-Очир, 2021: 176). По мнению Б. А. Бичеева, культ Белого Старца возник в процессе распада и трансформации тенгрианских верований. В результате данного процесса, связанного с радикальными изменениями в сознании древнемонгольского общества, «функция единого высшего божества Тенгри-эчиге перешла к владыке верхнего мира Хормусте, а культ богини земли Этуген-эке был замещен культом Белого старца, владыки многочисленных хозяев земных и водных пространств» (Бичеев, 2021: 71). Соглашаясь с мнением Б. А. Бичеева о тенгрианских истоках данного культа, предположим, что в данном явлении нашли свое отражение оба тенгрианских культа (Тенгри-эчиге и Этуген-эке).

Таким образом, тенгрианство, исчезнув как отдельная религия, оставило определенное наследие в религиозной традиции народов Сибири, в частности, феномен белого шаманизма и культ Белого старца.

Упадок тенгрианства и распространение буддизма

В послемонгольский период (XV–XVI вв.) тенгрианство как политизированная религиозная традиция постепенно приходит в упадок, уступая свои позиции более развитым религиям — буддизму, махаяны и исламу. Считается, что наиболее сильный удар по позициям тенгрианства среди тюркских народов Центральной Азии нанес ислам. Однако это касается, прежде всего, узбеков. У казахов и, особенно у киргизов, пережитки тенгрианских верований и культов длительное время бытовали и после официального принятия ислама. Вероятно, быстрому распространению ислама среди тюркских народов способствовал тот факт, что тенгрианство как и ислам можно рассматривать как монотеистическую религию, хотя и с определенными оговорками. Исследователи отмечают, что представители белого шаманства, связанные с тенгрианскими культурами, «практически стали частью официального мусульманского духовенства» (Кудаяров, 2021: 64). Не последнюю роль в успехе ислама среди кочевников Евразии сыграл тот факт, что мусульманская религия распространялась первоначально представителями суфизма, который отличался склонностью к пантеизму (идея «Все есть Бог») и терпимостью к другим верованиям (там же: 62).

У монгольских же народов в условиях длительной политической раздробленности тенгрианство к концу XVI в. находилось в кризисном состоянии и не могло оказать серьезного сопротивления буддизму, опиравшемуся на правящие круги монгольского общества. В этот период монгольские правители стремились к объединению страны в условиях надвигающейся маньчжурской угрозы. Господствующий в монгольских степях шаманизм, будучи связанным с родоплеменными отношениями и культурами, не способствовал данной цели. В этих условиях был востребован интегративный потенциал буддизма, как универсалистской религии.

С распространением буддизма тенгрианство фактически исчезло у монголов как отдельная религия и окончательно растворилось в шаманизме и буддизме. Буддизм был известен в Центральной Азии еще в эпоху ранних тюркских каганатов и поддерживался рядом монгольских императоров, в частности, Хубилаем. В то же время он долгое время не мог получить широкое распространение среди народных масс. Широкое распространение буддизма в форме тибетской традиции Гелугпа началось только на рубеже XVI–XVII вв. (Скрынникова, 1988: 9).

Буддийские проповедники у монголов, так же как и исламские миссионеры среди тюрков, первоначально действовали достаточно осторожно и постепенно, не стремясь полностью разрушить тенгрианско-шаманские устои. На начальном этапе распространения буддийской традиции проводилась гибкая политика адаптации новой религии к автохтонным верованиям монгольских народов, которые не отрицались полностью как языческие, а органично вписывались в новую систему

мировоззрения и буддийскую культуру (Галданова, 1997: 93). Сходная ситуация наблюдалась и в Туве (Монгуш, 2001: 94; Хомушку, 1998: 172). В данном регионе буддизм «довольно быстро приспособился и к соседству с шаманизмом, и с существующей политической системой...» (Ламажаа, 2021: 185).

Будучи достаточно терпимой религией, буддизм пытался ассимилировать те традиции и мировоззренческие константы тенгрианской культуры, которые не противоречили основополагающим принципам буддизма, что вполне соответствовало духу буддийского прагматизма. В целом, тенгрианская парадигма о необходимости гармонии человека с окружающей средой, миром природы и с Космосом, вероятно, находила поддержку и у буддийских учителей, поскольку уважительное и бережное отношение к природе, животному миру всегда было важной частью буддийской культуры и мировоззрения. Буддийская концепция высших (боги, полубоги, люди) и низших (обитатели ада, духи и животные) миров оказалась близка тенгрианско-шаманской картине мира, которая провозглашала идею трех миров: верхнего (небесного), среднего (земного) и нижнего (подземного). Среди других причин быстрого распространения буддизма среди кочевников Центральной Азии можно отметить уважительное отношение к женщине в тенгрианско-шаманской и буддийской культурах (подр.: Уланов, Бадмаев, 2020; Ulanov, Badmaev, Radionov, 2020).

В период широкого распространения тибетского буддизма школы Гелуг в Монголии и Джунгарии тенгрианская традиция видимо уже пришла в упадок. По крайней мере, в источниках данного периода мы практически не встречаем упоминаний об этой религии, в то время как сведений о существовании шаманизма достаточно много. Так, в биографии ойратского просветителя Зая Пандиты говорится, что он повелел сжигать шаманские онгоны, а совершавших кровавые шаманские жертвоприношения штрафовать скотом. Такому же штрафу подвергались и те, кто приглашал к себе шаманов или шаманок (Норбо, 1999: 64). В соответствии с монголо-ойратскими законами 1640 г. и более поздними законодательными актами шаманизм также подвергся гонениям.

Таким образом, вероятно, упадок тенгрианства начался после начала раздробленности в Монголии, поскольку тенгрианский культ был тесно связан с ханской властью и освящал ее. Можно утверждать, что во временной промежуток между широким бытованием тенгрианства и распространением тибетского желтошапочного буддизма у кочевников Монголии, по-видимому, господствовал шаманизм. Хотя говорить об исчезновении тенгрианства, наверное, будет неправильным, оно, как уже отмечалось, находилось в кризисном и латентном состоянии. В силу этого ни в житиях буддийских проповедников того времени, ни в законах 1640 г. мы не найдем упоминаний о преследовании тенгрианских культов. В то же время шаманизм, будучи одной из ранних форм религии, в отличие от тибетского буддизма не имел развитой организационной структуры, и потому, естественно, имел значительно более скромный потенциал для влияния на общество и формирования религиозности.

В контексте учения об аполлоническом и дионисийском началах

Интерес представляет и проблема осмысления тенгрианства в рамках западного философского дискурса. В этой связи необходимо отметить статью А. А. Кодар «Тенгрианство в свете номадологии Делеза-Гваттари», где «на основе концепции известных европейских философов XX века Делеза и Гваттари о религии номадов автор реконструирует логику тенгрианства, как религии открытой к бытию-в-мире» (Кодар, 2009b). Конечно, здесь может возникнуть вопрос о границах применимости западных философских дискурсов и подходов в отношении сугубо восточных религиозных феноменов. Неслучайно, сегодня набирают популярность дискуссии об «азиатских ценностях» и теория «незападной современности» (Рзаева, 2012). В то же время, на наш взгляд, духовное наследие народов Востока можно и нужно рассматривать в рамках различных философских подходов и дискурсов, как западных, так и восточных, что согласуется с известным принципом дополнительности Н. Бора, который предполагает, что для более полного и целостного описания явлений необходимо применять различные, и даже полностью противоположные подходы.

Тенгрианство, буддизм и шаманизм, с нашей точки зрения, можно анализировать в рамках учения об аполлоническом и дионисийском начал, разработанного Ф. Ницше по отношению к искусству (Ницше, 2010). Данная бинарная модель имеет универсальный характер и вполне применима к религиозным феноменам, тем более что данные категории достаточно давно используются религиоведами. Естественно, что, применяя данную ницшеанскую дихотомию к религиозным традициям евразийских кочевников, нужно помнить об определенной условности вышеуказанных понятий,

тем более, что перенос этой бинарной схемы из сферы искусствovedения и философии культуры в сферу религиоведения и философии религии неизбежно ведет к корректировке и изменению смысла и значения первоначальных понятий.

Аполлонизм, в концепции Ницше, связан с преобладанием мужского, рационального начала, идеями покоя, порядка, пропорциональности, самоограничения. Дионисийство, наоборот, провозглашает иррационализм, волнение, первозданный хаос, буйство страстей, опьяняющий восторг, трепетание и даже экстаз. При этом всякая культура невозможна без органического взаимодействия этих двух начал, что вполне укладывается в рамки диалектики. Однако в рамках любой культурной системы оба начала никогда не находятся в полном равновесии и гармонии, обычно преобладает или одно, или иное начало. Ключевым аспектом, важным для нашей темы, является связь этих начал с дихотомией небесного и земного начал. Мыслители, занимавшиеся разработкой данных категорий, однозначно связывают аполлоническое начало с освещающей и живительной силой неба. В то время как дионисийство традиционно ассоциируется с землей. Действительно, если Аполлон предстает нам как солнечное и небесное божество, то Дионис как земное, ибо он был тесно связан с плодородием и виноделием. Поэтому аполлонизм и дионисийство фактически олицетворяют дихотомию небесного и земного начал.

В этой связи тенгрианство, так же, как и буддизм, можно определить как религию аполлонического типа, а шаманизм — как религиозное дионисийство. Действительно, и тенгрианство, и особенно буддизм ориентированы на универсализм и космополитизм, выступая как надэтнические религиозные традиции. В силу этого обе религии вполне соответствовали имперской идеологии и были востребованы крупными полиэтническими государственными образованиями, какими были кочевые каганаты и монгольская империя. Шаманизм же, будучи дионисийской по своей сути формой религии, связанной с «почвой», ориентирован, прежде всего, на сохранение родоплеменных отношений и локальных традиций. Кроме того, шаман, проводящий обряд камлания, и находящийся в состоянии транса и религиозного экстаза, соотносится с принципами иррационализма, интуитивизма и стихийности дионисийства.

Вероятно, с этой точки зрения и можно объяснить упадок тенгрианства в период широко распространения тибетской формы буддизма у кочевников Монголии и Джунгарии: фактически аполлоническая ниша оказалась занятой новой религией, более развитой и приспособленной к новым социально-экономическим социокультурным реалиям. Секрет же выживания шаманизма состоял в том, что он был религией дионисийского типа и не был в этом отношении серьезным конкурентом для буддизма. Таким образом, шаманизм в Монголии после широко распространения буддизма, смог сохраниться, уйдя на периферию религиозного ландшафта. Даже в Калмыкии, где длительное время действовало Великое Уложение 1640 г., и проводилась длительная борьба с шаманами, шаманизм полностью не исчез, а как бы сросся с буддизмом.

Заключение

Итак, тенгрианство является древней религией кочевников Центральной Азии. Тенгрианская культура представляет собой уникальный и одновременно универсальный феномен духовной культуры человечества. Зародившись на территории Центральной Азии в эпоху хуннов, тенгрианство прошло долгий путь становления и развития в эпоху средневековых тюркских каганатов и достигло вершины своего развития в период Монгольской империи. Будучи официальной религией средневековых тюркских каганатов, а также Монгольской империи, тенгрианство в течение целого ряда столетий посредством специфической системы культурных кодов формировало у кочевников тюрко-монгольского мира особые устойчивые этнопсихологические и этнокультурные константы. Несмотря на упадок тенгрианства в послеимперский период, оно оказало значительное влияние на культурное пространство тюрко-монгольских народов, повлияв на их ментальность посредством собственных культурных кодов. Тенгрианство фактически подготовило почву для распространения среди кочевников Центральной Азии таких мировых религий, как буддизм и ислам.

Современные попытки возродить тенгрианство как отдельную религию в некоторых регионах Сибири и Центральной Азии, на наш взгляд, бесперспективны, так как безвозвратно была прервана «живая» линия преемственности тенгрианского учения. Кроме того, сохранилось крайне мало сведений о философии и практики тенгрианства. Исследователь Ю. В. Хвастунова, рассматривая

проблемы современных попыток возрождения тенгрианства, выделяет такие признаки современного неотенгрианства, как «бессистемность, отсутствие канона, развитого культа, иерархии, устоявшегося обрядового календаря, ... отсутствие единого понимания тенгрианства» (Хвастунова, 2018: 38–39). В то же время тенгрианство востребовано сегодня прежде всего как этнофилософия, как открытое мировоззрение, отличающееся экологичностью, толерантностью, ответственностью, любовью к жизни.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что наследие тенгрианской культуры объединяет весьма разнообразный и поликонфессиональный мир тюркских и монгольских народов, которые продолжают сохранять элементы тенгрианского менталитета и мировоззрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев, Н. В. (2015) Архаические формы религии и тэнгрианство в этнокультурогенезе народов Внутренней Азии. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет. 248 с.

Абаев, Н. В. (2016) Тэнгрианство и буддизм махаяны в истории и философии бурят-монгольского искусства единоборства «Шонын-баша» // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1 (28). С. 7–20.

Аюпов, Н. Г. (2012) Тенгрианство как открытое мировоззрение. Алматы : КазНПУ им. Абая ; Изд-во «КИЕ». 256 с.

Аязбекова, С. Ш. (2020) Тенгрианство и двоеверие тюрко-монгольских народов // *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С. 150–165. DOI: <https://doi.org/10.47850/RL.2020.1.2.150-165>

Бичеев, Б. А. (2021) Происхождение культа Белого Старца // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность : материалы VIII Международной научно-практической конференции / отв. ред. Л. В. Федорова. Элиста : Международный фонд исследования Тенгри (МФИТ). 460 с. С. 67–77.

Бичеев, Б. А., Алтан Очир (2021) Культ Белого старца (монгольские тексты из Тувы) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 174–187. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.9>

Бичеев, Б. А., Кукеев, А. Г. (2011) О религиозных представлениях древних тюрков и монголов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т. 4. № 2. С. 75–77.

Буряты (2004) / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М. : Наука. 633 с.

Галданова, Г. Р. (1997) Традиционные верования бурят в системе буддизма // Бурятский буддизм: история и идеология / отв. ред. Л. Е. Янгутов. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 149 с. С. 92–102.

Гумилев, Л. Н. (2002) Древние тюрки. СПб. : Кристалл ; М. : АСТ. 574 с.

Дробышев, Ю. И. (2012) Тэнгрианство и буддизм в средневековой Монголии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. № 5. С. 71–90.

Дугаров, Д. С. (1991) Исторические корни белого шаманства: на материале обрядового фольклора бурят. М. : Наука. 300 с.

Жумаганбетов, Т. С. (2006a) Культ Тенгри как основа государственной идеологии древнетюркского каганата // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 2. С. 119–126.

Жумаганбетов, Т. С. (2006b) Генезис государственно-религиозной идеологии в древнетюркских каганатах // Этнографическое обозрение. № 4. С. 154–162.

Кляшторный, С. Г., Султанов, Т. И. (2004) Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб. : Петербургское Востоковедение. 362 с.

Кодар, А. А. (2009a) Тенгрианство в контексте монотеизма // Новые исследования Тувы. № 1–2. С. 216–225.

Кодар, А. А. (2009b) Тенгрианство в свете нomaдологии Делеза-Гваттари // Новые исследования Тувы. № 4. С. 82–90.

Козин, С. А. (1941) Сокровенное сказание: монгольская хроника 1240 г. под названием “Mongol un niruča tobèj an. Юань чао би ши” : Монгольский обыденный сборник : в 2 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. Наук СССР. Т. 1. 619 с.

Крадин, Н. Н. (2020) Империя Хунну / 4-е изд., перераб. и доп. СПб. : Изд-во Олега Абышко. 304 с.

Кудаяров, К. А. (2021) Роль суфизма в переходе киргизов от тенгрианства в ислам // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. № 2. С. 57–66. DOI: <https://doi.org/10.31249/rva/2021.02.03>

Ламажаа, Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Лушников, О. В. (2014) Конфессиональная политика Монгольской империи и Улуса Джучи в период расцвета // Золотоордынская цивилизация. № 7. С. 12–17.

Малов, С. Е. (1959) Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР. 111 с.

Мифы народов мира: энциклопедия (1982) : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Советская энциклопедия. Т. 2. 719 с.

Михайлов, Т. М. (1980) Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск : Наука. 320 с.

Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.

Ницше, Ф. (2010) Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Малое собрание сочинений. СПб. : Издательская группа «Азбука-классика». 1055 с. С. 7–134.

Норбо, Ш. (1999) Зая-пандита: материалы к биографии. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 335 с.

Рзаева, Р. О. (2012) Дихотомия «Запад — не-Запад» в дискурсе незападной современности и постмодерна // Вопросы философии. № 12. С. 86–94.

Сыдыков, А. Н. (2014) Тенгрианство — народная вера // Вестник Бишкекского гуманитарного университета. № 1 (27). С. 49–52.

Скрынникова, Т. Д. (1988) Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI — начало XX в. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние. 104 с.

Скрынникова, Т. Д. (2002) Солнце и Земля в пантеоне народов Центральной и Восточной Азии // Altaica VI / отв. ред. В. М. Алпатов. М. : Ин-т востоковедения РАН. 195 с. С. 114–139.

Трошанский, В. Ф. (1902) Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань : Типо-литография Казанского университета. 208 с.

Уланов, М. С., Бадмаев, В. Н. (2020) Женское духовенство в истории буддизма у монгольских народов России // Диалог со временем. № 72. С. 195–208. DOI: <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.72.72.012>

Урбанаева, И. С. (2000) Шаманская философия бурят-монголов: центральноазиатское тенгрианство в свете духовных учений : в 2 ч. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. Ч. 1. 265 с.

Хвастунова, Ю. В. (2018) Современное тенгрианство (на примере версии тенгрианства В. А. Сата в Республике Алтай) // Colloquium heptaplomeres. № 5. С. 33–43.

Хомушку, О. М. (1998) Религия в истории культуры тувинцев. М. : Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 177 с.

Цоохуу, Х. (2014) Монголы: кто мы? // Новые исследования Тувы. № 4. С. 59–79.

Güngör, H. (2013) Tengrism as a religious and political phenomenon in Turkish world: Tengriyanstvo // Karadeniz Uluslararası Bilimsel Dergi. Vol. 1. No. 19. P. 196–204.

Ulanov, M. S., Badmaev, V. N., Radionov, A. V. (2020) Woman's status in the Kalmyk and Buryat Buddhist tradition: History and the current state // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Vol. 13. No. 7. P. 1195–1206. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0636>

Дата поступления: 08.07.2022 г.

REFERENCES

Abaev, N. V. (2015) *Archaicheskie formy religii i tengriyanstvo v etnokul'turogeneze narodov Vnutrennei Azii [Archaic forms of religion and Tengrianism in the ethnocultural genesis of the peoples of Inner Asia]*. Ulan-Ude, Buryat State University. 248 p. (In Russ.).

Abaev, N. V. (2016) Tengriyanstvo i buddizm makhaiany v istorii i filosofii buriat-mongol'skogo iskusstva edinoborstva «Shonyn-basha» [Tengrianism and Mahayana Buddhism in the history and philosophy of Buryat-Mongolian martial art «Shonyn-basha»]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 1 (28), pp. 7–20. (In Russ.).

Aiupov, N. G. (2012) *Tengriyanstvo kak otkrytoe mirovozzrenie [Tengrianism as an open worldview]*. Almaty, Abai Kazakh National Pedagogical University; KIE Publ. 256 p. (In Russ.).

Aiazbekova, S. Sh. (2020) Tengrianstvo i dvoeverie tiurko-mongol'skikh narodov [Tengrism and dual faith of the Turkic-Mongolian peoples]. *Respublica Literaria*, vol. 1, no 2, pp. 150–165. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.47850/RL.2020.1.2.150-165>

Bicheev, B. A. (2021) Proiskhozhdenie kul'ta Belogo Startsa [The origin of the cult of the White Elder]. In: *Tengrianstvo i epicheskoe nasledie narodov Evrazii: istoki i sovremennost'* [Tengrianism and the epic heritage of the peoples of Eurasia: Origins and modernity] : Proceedings of the 8th International science-to-practice conference / ed. by L. V. Fedorova. Elista, Tengri International Research Foundation. 460 p. Pp. 67–77. (In Russ.).

Bicheev, B. A. and Altan-Ochir (2021) Kul't Belogo startsa (mongol'skie teksty iz Tuvy) [The cult of the White Old Man: Mongolian texts from Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 174–187. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.9>

Bicheev, B. A. and Kukeev, A. G. (2011) O religioznykh predstavleniiakh drevnikh tiurkov i mongolov [About religious ideas of the ancient Turks and Mongols]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, vol. 4, no. 2, pp. 75–77. (In Russ.).

Buriaty [The Buryats] (2004) / ed. by L. L. Abaeva and N. L. Zhukovskaia. Moscow, Nauka. 633 p. (In Russ.).

Galdanova, G. R. (1997) Traditsionnye verovaniia buriat v sisteme buddizma [Traditional beliefs of the Buryats in the system of Buddhism]. In: *Buriatskii buddizm: istoriia i ideologiya [Buryat Buddhism: History and ideology]* / ed. by L. E. Yangutov. Ulan-Ude, Publ. House of Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS. 149 p. Pp. 92–102. (In Russ.).

Gumilev, L. N. (2002) *Drevnie tiurki [Ancient Turks]*. St. Petersburg, Kristall ; Moscow, AST. 574 p. (In Russ.).

Drobyshev, Yu. I. (2012) Tengrianstvo i buddizm v srednevekovoi Mongolii [Tengrianism and Buddhism in medieval Mongolia]. *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive*, no. 5, pp. 71–90. (In Russ.).

Dugarov, D. S. (1991) *Istoricheskie korni belogo shamanstva: na materiale obriadovogo fol'klora buriat [Historical roots of White shamanism: A case study of ritual folklore of the Buryats]*. Moscow, Nauka. 300 p. (In Russ.).

Zhumaganbetov, T. S. (2006a) Kul't Tengri kak osnova gosudarstvennoi ideologii drevnetiurkskogo kaganata [The cult of Tengri as a basis for the state ideology of the ancient Turkic Kaganate]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, no. 2, pp. 119–126. (In Russ.).

Zhumaganbetov, T. S. (2006b) Genezis gosudarstvenno-religioznoi ideologii v drevnetiurkskikh kaganatakh [The origin and development of state-religious ideology in early Turkic khaganates]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 154–162. (In Russ.).

Kliashornyi, S. G. and Sultanov, T. I. (2004) *Gosudarstva i narody evraziiskikh stepei. Drevnost' i srednevekov'e [States and peoples of the Eurasian steppes. Antiquity and the Middle Ages]*. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. 362 p. (In Russ.).

Kodar, A. A. (2009a) Tengrianstvo v kontekste monoteizma [Tengrianism in the context of monotheism]. *New Research of Tuva*, no. 1–2, pp. 216–225. (In Russ.).

Kodar, A. A. (2009b) Tengrianstvo v svete nomadologii Deleza-Gvattari [Tengrism in the light of nomadology of Deleuze-Guattari]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 82–90. (In Russ.).

Kozin, S. A. (1941) *Sokrovennoe skazanie: mongol'skaia khronika 1240 g. pod nazvaniem "Mongol un niruca tobèj an. Iuan' chao bi shi" : Mongol'skii obydenyi izbornik [A secret story: The 1240 Mongolian chronicle entitled "Mongol un niruca tobèj an. Yuan chao bi shi" : A Mongolian day-to-day anthology]* : in 2 vols. Moscow ; Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. 1. 619 p. (In Russ.).

Kradin, N. N. (2020) *Imperiia Khunnu [The Xiongnu Empire]* / 4th ed. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ. 304 p. (In Russ.).

Kudayarov, K. A. (2021) Rol' sufizma v perekhode kirgizov ot tengrianstva v islam [The role of Sufism in the transition of the Kyrgyz people from Tengrianism to Islam]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i afrikanistika*, no. 2, pp. 57–66. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31249/rva/2021.02.03>

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuva kak limitrofnaia zona: iazyk, religiia i identifikatsiia naseleniia [Tuva as a limitrophe zone: Language, religion and people's identity]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Lushnikov, O. V. (2014) Konfessional'naia politika Mongol'skoi imperii i Ulusa Dzhuchi v period rastsвета [Confessional policy of the Mongol Empire and Ulus of Jochi during their heyday]. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, no. 7, pp. 12–17. (In Russ.).

Malov, S. E. (1959) *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti Mongolii i Kirgizii [Monuments of the ancient Turkic script of Mongolia and Kyrgyzstan]*. Moscow ; Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR. 111 p. (In Russ.).

Mify narodov mira: entsiklopediia [Myths of the peoples of the world: An encyclopedia] (1982) : in 2 vols. / ed. by S. A. Tokarev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. Vol. 2. 719 p. (In Russ.).

Mikhailov, T. M. (1980) *Iz istorii buriatskogo shamanizma (s drevneishikh vremen po XVIII v.) [From the history of Buryat shamanism (from ancient times to the 18th century)]*. Novosibirsk, Nauka. 320 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2001) *Istoriia buddizma v Tuve (vtoraia polovina VI — konets XX v.) [The history of Buddhism in Tuva (latter half of the 6th — late 20th cc.)]*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Nietzsche, F. (2010) *Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki [The birth of tragedy from the spirit of music]*. In: Nietzsche, F. *Maloe sobranie sochinenii [Small collection of works]*. St. Petersburg, Publ. Group "Azбука-klassika". 1055 p. Pp. 7–134. (In Russ.).

Norbo, Sh. (1999) *Zaia-pandita: materialy k biografii [Zaya-pandita: Materials for a biography]*. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 335 p. (In Russ.).

Rzaeva, R. O. (2012) *Dikhotomiia «Zapad — ne-Zapad» v diskurse nezapadnoi sovremennosti i postmoderna [The "West — not-West" dichotomy in the discourse of non-Western modernity and postmodernity]*. *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 86–94. (In Russ.).

Sydykov, A. N. (2014) *Tengrianstvo — narodnaia vera [Tengrianism is the people's faith]*. *Vestnik Bishkekского гуманитарного университета*, no. 1 (27), pp. 49–52. (In Russ.).

Skrynnikova, T. D. (1988) *Lamaistskaia tserkov' i gosudarstvo. Vneshniaia Mongoliia. XVI — nachalo XX v. [The Lamaist Church and the state. Outer Mongolia. 16th — early 20th c.]*. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch. 104 p. (In Russ.).

Skrynnikova, T. D. (2002) *Solntse i Zemlia v panteone narodov Tsentral'noi i Vostochnoi Azii [The Sun and the Earth in the pantheon of the peoples of Central and East Asia]*. In: *Altaica VI* / ed. by V. M. Alpatov. Moscow, Institute of Oriental Studies of the RAS. 195 p. Pp. 114–139. (In Russ.).

Troshchanskii, V. F. (1902) *Evolutsiia chernoi very (shamanstva) u iakutov [Evolution of the black faith (shamanism) among the Yakuts]*. Kazan, Typolithography at Kazan University. 208 p. (In Russ.).

Ulanov, M. S. and Badmaev, V. N. (2020) *Zhenskoe dukhovenstvo v istorii buddizma u mongol'skikh narodov Rossii [Women in the history of Buddhism among the Mongolian peoples of Russia]*. *Dialog so vremenem*, no. 72, pp. 195–208. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.72.72.012>

Urbanaeva, I. S. (2000) *Shamanskaia filosofiia buriat-mongolov: tsentral'noaziatskoe tengrianstvo v svete dukhovnykh uchenii [Shamanic philosophy of the Buryat Mongols: Central Asian Tengrianism in the light of spiritual teachings]* : in 2 parts. Ulan-Ude, Publ. House of Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS. Part 1. 265 p. (In Russ.).

Khvastunova, Yu. V. (2018) *Sovremennoe tengrianstvo (na primere versii tengrianstva V. A. Sata v Respublike Altai) [Modern Tengriism (as in V. A. Sat's version of Tengriism in the Altai Republic)]*. *Colloquium heptaplomeres*, no. 5, pp. 33–43. (In Russ.).

Khomushku, O. M. (1998) *Religiia v istorii kul'tury tuvintsev [Religion in the history of Tuvan culture]*. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS. 177 p. (In Russ.).

Tsookhuu, Kh. (2014) *Mongoly: kto my? [Mongols: Who are we?]*. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 59–79. (In Russ.).

Güngör, H. (2013) *Tengriism as a religious and political phenomenon in Turkish world: Tengriyanstvo*. *Karadeniz Uluslararası Bilimsel Dergi*, vol. 1, no. 19, pp. 196–204.

Ulanov, M. S., Badmaev, V. N. and Radionov, A. V. (2020) *Woman's status in the Kalmyk and Buryat Buddhist tradition: History and the current state*. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 13, no. 7, pp. 1195–1206. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0636>

Submission date: 08.07.2022.